

Э. Мах

**Анализ ощущений и
отношение физического к
психическому**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Э1

Э1 **Э. Мах**
Анализ ощущений и отношение физического к психическому / Э. Мах – М.:
Книга по Требованию, 2023. – 308 с.

ISBN 978-5-458-54497-9

ISBN 978-5-458-54497-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Чтобы ориентироваться и правильно действовать среди запутанных комбинацій и потрясающих картинъ революціоннаго періода, для этого мало личнаго политическаго опыта и знанія исторіи. Нужна общая ясность и дисциплина мысли, неуклонно-последовательная логика, умѣніе и отрѣшаться отъ частныхъ, и связывать ихъ съ общимъ, способность отчетливо понять соотношеніе цѣлаго и частей, идеала и средствъ борьбы за него. Все это рождается, конечно, изъ науки и жизни, но все это концентрируется въ философіи, оформливается и закрѣпляется ею. Философская критика есть устраненіе общихъ противорѣчій, философскій синтезъ—общее объединеніе разрозненнаго, то и другое—въ области познанія. Такова же въ практической соціальной жизни работа революціи. Если наука и познаніе вообще представляютъ изъ себя міръ организующихъ приспособленій для жизни, то спеціально философія въ наибольшей мѣрѣ можетъ и должна играть такую роль для революціонной жизни и борьбы. Отсюда—глубокое внутреннее сродство философіи и революціи. Всѣ великія революціи новаго времени совершались подъ знаменемъ философскихъ идей—религіозно-реформаторскихъ въ XVI и XVII вѣк., просвѣтительно-освободительныхъ въ XVIII вѣкѣ; а въ нашей Великой Россійской революціи ея пролетарскій авангардъ идетъ подъ знаменемъ соціально-освободительной философіи марксизма.

Та или иная философская доктрина можетъ, конечно, быть не прогрессивной или даже реакціонной; но взятая въ ея развитіи философія по существу революціонна, какъ революціонно составляющее основу ея развитія научное познаніе, которое также вѣдь можетъ при извѣстныхъ условіяхъ играть роль орудія для реакціонныхъ силъ, для реакціонныхъ цѣлей.

Философія Маха выражаетъ собою наиболѣе прогрессивныя тенденціи въ одной изъ двухъ основныхъ областей научнаго познанія—въ области естественныхъ наукъ.

II.

Философія Маха—это философія современнаго естествознанія. Не слѣдуетъ ли отсюда уже аргюи заключить, что она должна быть далека отъ соціальной жизни, отъ ея опыта

и ея логики? Не слѣдуетъ ли признать, что съ точки зрѣнія общественной борьбы, съ точки зрѣнія революціонной работы интересъ такой философіи можетъ быть лишь чисто-академическимъ, а не практическимъ? Въ обычныхъ представленіяхъ естественно-научная философія такъ далека отъ соціальной науки и философіи, а тѣмъ болѣе отъ соціальной жизни.

Но это—наивная точка зрѣнія. Роль философіи заключается, вообще говоря, не въ томъ, чтобы давать непосредственныя директивы для жизни и борьбы, а въ томъ, чтобы вырабатывать дѣятеля жизни и борьбы—человѣка—въ существо, могучее своей внутренней цѣльностью и опредѣленностью, широтой и ясностью взгляда, неуклонностью своей логики... И въ этомъ смыслѣ строгая и стройная, богатая научнымъ содержаніемъ философія естествознанія имѣетъ громадное значеніе.

Въ своемъ развитіи, въ своей прогрессивной тенденціи философія едина: она есть философія опыта и познанія вообще, а не философія той или иной науки. Но то или иное философское міровоззрѣніе отдѣльной личности или цѣлой школы можетъ, конечно, сложиться подъ преобладающимъ вліяніемъ опредѣленной области научнаго познанія. Это естественнымъ образомъ приводитъ большею частью къ извѣстной (количественной) неполнотѣ самого міровоззрѣнія, иногда также—къ нѣкоторой (качественной) его односторонности. Что представляетъ изъ себя съ этой точки зрѣнія естественно-научная философія Маха?

Сторонникъ соціальной философіи Маркса не можетъ не исходить изъ ея основныхъ посылокъ въ рѣшеніи этого вопроса. И если вдуматься въ эти послышки, то онѣ быстро приводятъ къ опредѣленному общему выводу:

философія, дающая цѣльное и истинное для нашего времени міровоззрѣніе, въ своей основѣ должна быть естественно-научной.

Пояснимъ логику этого вывода.

Первое и главное соціально-философское положеніе Маркса говорить, что основой всего и всякаго общественнаго развитія является «ростъ производительныхъ силъ общества», или

«возрастаніе власти общества надъ природою», т.-е. развитіе трудовой техники.

Познавательнымъ выраженіемъ этихъ «производительныхъ силъ», этой «власти надъ природою», этой трудовой техники служатъ ближайшимъ и непосредственнымъ образомъ техническія знанія. Ихъ систематизація и завершеніе образуетъ естественныя науки, отъ математики и элементарной механики до высшихъ областей біологіи включительно.

Естественныя науки—это организованный техническій опытъ, это (употребляя марксистское выраженіе)—идеологія производительныхъ силъ общества.

Слѣдовательно, естествознаніе относится къ производнымъ областямъ познанія—какова философія—именно такъ, какъ общественная техника къ производнымъ социальнымъ формамъ, т.-е. какъ необходимая всеобщая основа.

Сама социальная философія Маркса—высшее и лучшее выраженіе монистическаго познанія—есть живая иллюстрація этой мысли. Марксизмъ есть не что иное какъ естественно-научная философія социальной жизни.

Основу и характеристику всякой науки, всякой философіи составляетъ ея методъ. Сущность историко-материалистическихъ концепцій Маркса заключается именно въ примѣненіи естественно-научнаго метода къ познанію социальной жизни.

Марксъ разсматривалъ социальный вопросъ всецѣло съ точки зрѣнія его объективной законмѣрности, устраняя и исключая въ своемъ анализѣ всѣ элементы субъективизма и всякое представленіе о произволѣ и случайности въ ходѣ явленій. Это—точка зрѣнія естественно-научнаго познанія, до сихъ поръ еще принятая далеко не всѣми социологами.

Марксъ изслѣдовалъ развитіе общества, исходя изъ идеи о строгой его зависимости отъ отношеній между обществомъ и внѣшней природой въ борьбѣ за существованіе. Это—также естественно-научная точка зрѣнія.

Марксъ принималъ въ общественномъ развитіи формы «внизшія», т.-е. болѣе простыя и болѣе непосредственно связанные съ борьбою за существованіе, за формы первичныя

и основныя, а «вышнія», т.-е. болѣе сложныя и стоящія въ менѣе прямой связи съ жизненной борьбой,—за производныя, за «надстройки». И это опять-таки естественно-научная точка зрѣнія.

Быть можетъ, самымъ поразительнымъ проявленіемъ геніальности Маркса является именно тотъ фактъ, что онъ провелъ въ своей соціальной философіи основныя идеи новѣйшихъ естественно-научныхъ методовъ какъ разъ въ то время, когда въ самой біологіи эти идеи еще только проби-вали себѣ дорогу. Знаменитое предисловіе къ «Zur Kritik der Polit. Oekonomie», формулирующее сущность историческаго матеріализма, появилось въ свѣтъ въ томъ же году, въ которомъ и «Происхожденіе видовъ» Дарвина.

Изъ всего изложеннаго съ очевидностью слѣдуетъ, что философія естествознанія можетъ и не страдать вовсе тою узостью и односторонностью, какой мы склонны были бы а priori ожидать въ міровоззрѣніи, построенномъ на основѣ отдѣльной, специальной области человѣческаго опыта. То или иное изложеніе естественно-научной философіи можетъ, конечно, представлять извѣстную неполноту по отношенію, напр., къ познанію соціальной жизни, какъ у Маха; но если мышленіе философа стоитъ дѣйствительно на высотѣ современнаго ему естествознанія, то онъ можетъ дать намъ удовлетворительныя общеофилософскія концепціи, которыя не встрѣтятся съ противорѣчіями и въ остальныхъ сферахъ человѣческаго опыта, но, напротивъ, и тамъ окажутся познавательно-полезны.

III.

Махъ—философъ-естествоиспытатель. Какъ философъ, онъ опирается на всю ту выработку мышленія, какая достигнута за послѣдніе вѣка мыслителями Германіи, соединяя съ этимъ глубокой позитивизмъ метода и особенную ясность выводовъ, въ чемъ обнаруживается серьезное вліяніе англійскихъ философовъ. Какъ естествоиспытатель, Махъ не только стоитъ въ первомъ ряду всемірныхъ работниковъ науки, но и среди нихъ выдѣляется своей широтой и разносторонностью; это не специалистъ одной узкой области: его изслѣдованія и открытія захватываютъ и теоретическую механику, и почти

въ остальныхъ области фнзики, и фізіологію органовъ чувствъ. Благодаря всему этому вмѣстѣ Эрнстъ Махъ и могъ стать величайшимъ изъ нынѣшнихъ работниковъ философіи естествознанія, я бы сказалъ—самымъ крупнымъ въ настоящее время философомъ вообще.

Я тѣмъ съ большею рѣшительностью позволяю себѣ высказать это мнѣніе, что мои собственные взгляды во многомъ не сходятся съ воззрѣніями Э. Маха—и притомъ не только со стороны отмѣченной выше неполноты этихъ послѣднихъ въ сферѣ социально-философскаго мышленія... Но я полагаю, что уже одна—поистинѣ колоссальная—критическая работа, выполненная Э. Махомъ въ его беспощадной борьбѣ противъ всевозможныхъ фетишей научнаго и философскаго познанія, противъ окаменѣлыхъ понятій, успокаивающихъ и задерживающихъ пытливость человѣческаго ума, — уже одна эта сторона его работы дѣлаетъ произведенія Маха въ наше время совершенно необходимой школой для всякаго, стремящагося выработать себѣ дѣйствительно научное, критически продуманное міросозерцаніе. При этомъ въ своей естественно-научной методологіи, которая составляетъ основное содержаніе философской дѣятельности Маха, онъ отнюдь не ограничивается отрицательно-критическими задачами. Научный экспериментъ въ поразительно обдуманной, почти идеально-точной постановкѣ и остроумныя—иногда до неожиданности—сопоставленія самыхъ различныхъ и разнообразныхъ наблюденій тѣсно сплетаются у него съ глубоко-философскимъ анализомъ идей, давая ему надежную исходную точку и гарантируя содержательность и прочность выводовъ. Въ предлагаемой книгѣ читатель найдетъ массу примѣровъ такого рода.

Насколько по существу правильны и цѣлесообразны основныя методологическія послылки изслѣдованій Маха, это съ особенною рельефностью выступаетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда ему приходится затрогивать социально-философскіе вопросы. Въ общемъ это—чуждая ему область; притомъ онъ не только не марксистъ, но, насколько можно судить по его произведеніямъ, по всей вѣроятности даже совершенно не знакомъ съ теоретическими основами марксизма. И однако въ встрѣтите

у него выводы, не только тѣсно соприкасающіеся, но прямо совпадающіе съ идеями историческаго матеріализма. Происхождение науки и искусства, какъ побочныхъ продуктовъ хозяйственнаго труда людей (см. «Erkenntniss und Irrtum» — «Познаніе и заблужденіе» ¹⁾ — его послѣднюю работу), происхождение познанія вообще изъ трудовой техники (см. «Wärmehhre» — «Ученіе о теплотѣ») — такіе взгляды иному умѣренному марксисту могутъ показаться даже «крайностью» историческаго матеріализма. Въ вопросѣ о происхожденіи рѣчи Э. Махъ принимаетъ теорію Нуаре о соціально-трудовомъ генезисѣ первичныхъ корней — теорію, по существу строго марксистскую, какъ ни мало марксистъ ея авторъ. Такова сила строгихъ и выдержанныхъ естественно-научныхъ методовъ, что и въ областяхъ, лежащихъ за предѣлами естествознанія, они ставятъ мыслителя на правильный и надежный путь.

Въ русской литературѣ можно встрѣтить полемическія выходы противъ Маха, обвиняющія его въ «идеализмѣ» и даже солипсизмѣ. Опровергать такіа обвиненія мнѣ здѣсь не приходится. Читатель этой книги самъ увидитъ, сколько въ нихъ крайняго — выразимся помягче — «субъективизма». Впрочемъ, долженъ признаться, что въ виду особенной популярности и ясности, свойственной изложенію Маха и устраняющей, казалось бы, всякую возможность грубыхъ недоразумѣній, я сомнѣваюсь, стоило ли въ этомъ случаѣ заботиться о мягкости выраженій.

Другое обвиненіе, выдвигаемое у насъ противъ Маха тѣми же его противниками, старающимися помѣшать распространенію его идей среди революціонно настроенныхъ слоевъ читающей публики, это — обвиненіе въ «буржуазности». На особенно наивную молодежь оно производитъ таки нѣкоторое впечатлѣніе: извѣстно, что Махъ отнюдь не соціалъ-демократъ и вообще не революціонеръ, такъ что подозрѣніе въ «буржуазности» его философіи кажется довольно вѣроятнымъ тѣмъ, кто не знакомъ съ нею.

¹⁾ „Познаніе и заблужденіе“ Э. Маха имѣется на русскомъ языкѣ въ переводѣ Г. Котляра подъ редакціей проф. Н. Ланге въ изданіи С. Смирнова.

Сколько серьезности и принципиальности въ этомъ полемическомъ приѣмѣ, легко видѣть изъ слѣдующихъ фактовъ:

1) абсолютно никакихъ конкретныхъ указаній на практически-буржуазныя тенденціи въ міровоззрѣніи Маха означенными его противниками—тов. Плехановымъ и его учениками—не дается;

2) характеризуя буржуазную философію вообще, тѣ же самые писатели сводятъ ея специфическія тенденціи къ идеямъ бога, свободы воли, безсмертія души, для каковыхъ идей въ философіи Маха, при его отрицаніи всякой «вещи въ себѣ», абсолютно нѣтъ и не можетъ быть мѣста;

3) въ противовѣсъ философіи естествознанія XX вѣка, которой учить Э. Махъ, означенные его противники выдвигаютъ философію естествознанія XVIII вѣка, въ формулировкахъ барона Гольбаха, чистѣйшаго идеолога буржуазіи, весьма далекаго и отъ умѣренно-соціалистическихъ симпатій Э. Маха.

Только исключительнымъ обостреніемъ идеологическихъ споровъ въ нашей средѣ можно объяснить и отчасти извинить примѣненіе такихъ способовъ «критики» въ данномъ случаѣ. До сихъ поръ марксисты, слѣдуя примѣру Маркса, всегда умѣли учиться у Дарвина, Гегеля, Рикардо, не пугаясь ихъ дѣйствительной буржуазности, какъ и самъ тов. Плехановъ учился у архи-буржуазнаго Гольбаха.

У Маха многому можно научиться. А въ наше бурное время, въ нашей залитой кровью странѣ особенно дорого то, чему онъ учитъ всего больше: спокойная неуклонность мысли, строгій объективизмъ метода, безпощадный анализъ всего принятаго на вѣру, безпощадное истребленіе всѣхъ идоловъ мысли. Все это нужно намъ не только для цѣльности и научности міровоззрѣнія.

«Анализъ ощущеній» вводитъ читателя въ циклъ основныхъ идей Маха. Его «Механика» и «Ученіе о теплотѣ»¹⁾ рисуютъ непосредственное примѣненіе этихъ идей въ физикѣ, реформирующее самую науку. «Познаніе и заблужденіе» представляетъ общую систематизацію философскихъ воззрѣній этого мыслителя.

А. Богдановъ.

4 сентября 1906 г.

¹⁾ „Механика“ и „Ученіе о теплотѣ“ Э. Маха готовятся книгоиздательствомъ С. Смирнова къ печати.

Предисловіе автора къ русскому переводу.

Содержаніе настоящей книги будетъ, можетъ быть, болѣе понятно и встрѣтитъ болѣе снисходительную оцѣнку, если авторъ, не будучи ни философомъ, ни психологомъ, а только физикомъ, расскажетъ здѣсь, какимъ образомъ онъ пришелъ къ изученію разбираемыхъ въ ней вопросовъ. Въ ранніе годы юности наивно-реалистическое міровоззрѣніе автора было распатано «Прологоменами» Канта. Съ этого момента началось все его критическое мышленіе. Послѣднее привело къ тому, что авторъ очень скоро призналъ недостижимую «вещь въ себѣ» иллюзіей. Этимъ онъ вернулся къ вдохновителямъ Канта — Беркли и Юму, не зная, впрочемъ, объ этихъ мыслителяхъ ничего, кромѣ тѣхъ слѣдовъ, которые они оставили въ сочиненіяхъ Канта. Этотъ переворотъ въ міровоззрѣніи автора естественно далъ себя знать и въ его профессиональныхъ, т.-е. физическихъ, изслѣдованіяхъ. Для приведенія этихъ послѣднихъ къ желательному концу у него сначала не было болѣе или менѣе достаточныхъ экспериментальныхъ данныхъ. Частію вслѣдствіе этого обстоятельства, а частію и изъ склонности и интереса къ вопросамъ теоріи познанія авторъ обратился къ опытамъ съ своими органами чувствъ. Такъ возникли его работы по физиологіи органовъ чувствъ за 1861—1875 гг.,—работы, въ которыхъ содержится все существенное, что—частію въ болѣе подробной, частію въ болѣе обобщающей формѣ—было изложено въ первомъ изданіи настоящей книги (1886). Обратное дѣйствіе этихъ занятій на изслѣдованія физическія не заставило себя долго ждать. Новая точка зрѣнія и изслѣдованія автора по исторіи физики вызвали къ жизни за время 1863—1871 гг. мысль, что цѣль физическихъ изслѣдованій заключается въ установленіи зависимости нашихъ чувственныхъ переживаній другъ отъ друга, а понятія и теоріи фи-

зики суть лишь средства для достиженія этой цѣли, — средства временныя, которыми мы пользуемся лишь въ видахъ экономіи мышленія (нѣкоторыя же физическія понятія могутъ быть признаны даже аналогіями къ иллюзорной вещи въ себѣ). Эта точка зрѣнія, къ которой авторъ пришелъ еще въ 1871 году, была лишь болѣе подробно изложена имъ въ «Механикѣ» (1883) и въ «Ученіи о теплотѣ» (1896). Идеаль, подобный идеалу физики (въ самомъ общемъ смыслѣ), авторъ еще будучи студентомъ, нашелъ въ опытѣ математической психологіи Гербарта (правда, слишкомъ схематичномъ и лишенномъ физиологической основы), что снова привело его ближе къ анализамъ Юма. Здѣсь благотворно подѣйствовалъ расцвѣтъ биологіи и ученія о развитіи, показавъ (еще въ 1865 году), что и всю психическую жизнь, а въ особенности и занятіе наукой, слѣдуетъ разсматривать, какъ часть органической жизни, и тогда экономія мышленія и изгнаніе бесполезной метафизики нашли свое болѣе глубокое основаніе въ потребности биологической. Отсюда явилась слѣдующая цѣль всей науки: усвоеніе, согласно принципу экономіи мышленія, взаимной зависимости чувственныхъ переживаній и представленій людей другъ отъ друга. Эта цѣль мало отличается отъ цѣли, установленной Контомъ; разница только та, что для Конта естествознаніе — почти все, а психологія — почти ничего, между тѣмъ какъ авторъ разсматриваетъ обѣ области, какъ однородныя, равно важныя источники нашего познанія, и хочетъ начать изслѣдованіе, какъ отъ всего даннаго, такъ и отъ только одного даннаго. Стоить только въ каждой изъ этихъ двухъ областей избѣгать неподдающіяся контролю праздыя метафизическія допущенія, нарушающія экономію мышленія, чтобы распознать простѣйшіе элементы, общіе обѣимъ областямъ. Эти элементы извѣстны въ психической области, какъ ощущенія, а въ области естественно-научной — какъ физическія свойства, но сами по себѣ они идентичны, а только различны въ зависимости отъ точки зрѣнія, съ которой они разсматриваются. Это приводитъ къ дальнѣйшему упрощенію и обобщенію метода. Въ настоящей книгѣ авторъ разсматриваетъ лишь ближайшія послѣдствія этого шага. Изложенный въ ней научный анализъ не имѣетъ цѣлью дезориентировать человѣка